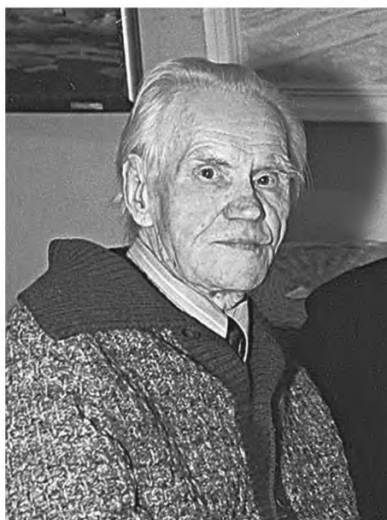

MEMORIA

ВСЯ ЖИЗНЬ КАК РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

Памяти Николая Гавриловича Чеснокова (1915—2004)

Прошлой весной ушел из жизни заслуженный художник России Николай Гаврилович Чесноков. 19 декабря нынешнего года ему исполнилось бы 90 лет. Я познакомилась с ним три года назад будучи студенткой искусствоведческого отделения, когда занималась историей художественной жизни нашего города, представить которую без Чеснокова невозможно. Известно, что художники относятся к искусствоведам с некоторой иронией, увы, не безосновательной. Но Николай Гаврилович, зная все тяготы творческого процесса и понимая, что написать статью порой не легче, чем картину, внимательно и радушно отвечал на мои во многом наивные вопросы.

Интересна и необычна судьба Чеснокова. Родившись в полуграмотной семье лесника в глухом Лысьвенском заводе Пермской губернии, с «настоящим» искусством он познакомился в восьмилетнем возрасте: сын местного фотографа, профессиональный художник, показал мальчику свои живописные работы. Скромные пейзажи произвели на Николая неизгладимое впечатление. А еще раньше были рисованные отцом на папиросных коробках лошади, чудо как похожие на настоящих (Гаврила Андреевич «до косточки» знал этих благородных животных), и им же данное обещание отправить сына «учиться на художника».

Однако жизнь внесла коррективы в честолюбивые помыслы. Рано лишившись отца, юноша стал практически главой и кормильцем семьи: надо было помогать матери и маленьким сестренкам. Но и в это тяжелое время не расставался он со своей

мечтой, каждую свободную от учебы и работы минутку посвящая любимому занятию: самодельный альбомчик заполнялся натурными рисунками.

После долгих лишений и испытаний в 1937 г. Николай Чесноков становится студентом Ленинградского художественного училища, а затем и Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, называемого обычно Академией художеств. Желание поступить в Академию было столь велико, что заставило преодолеть самое трудное препятствие — экзамен по немецкому языку. Перед Чесноковым открылись заветные двери. В институте он учился у знаменитых профессоров М. П. Бобышова и Б. В. Иогансона. С жадностью внимал каждому их слову, каждому совету. Но не все шло гладко: давала о себе знать слабая предшествующая подготовка. За помощью студент обращался к великим мастерам прошлого. Залы Эрмитажа и Русского музея посещались им столь же регулярно, как и академические классы. Рембрандт, Репин, Суриков, Врубель, Серов, Левитан, Нестеров становятся его кумирами.

Война и семейные обстоятельства прервали учебу. Не удалось завершить ее и в Московском художественном институте им. В. И. Сурикова (1945—1947), где Чесноков получил вдохновившую его похвалу А. А. Осмеркина. После снятия с поста директора института С. В. Герасимова, с которым у молодого художника сложились дружеские отношения, он вернулся на Урал и навсегда связал свою судьбу с родным краем.

С 1948 г. Чесноков активно включается в художественную жизнь Свердловска, становится постоянным участником республиканских и всесоюзных выставок. В 1955 г. первый заметный успех принесла жанровая картина «Заочница». Изобразив свою жену Тоню, художник создал типический образ героини того времени. Кажущийся сейчас немного наивным, он тем не менее остается привлекательным и очаровательным благодаря своей искренности. Новые тенденции в свердловской и в целом в отечественной живописи — стремление к большему обобщению, обращение к фольклору — отразило полотно «Сказ об Урале» (1959), навеянное творчеством Бажова.

1960—1970-е гг. — время успехов и признания Чеснокова. Накоплен жизненный и творческий опыт, сочетающийся с неустанным желанием работать. Вдохновение приносят многочисленные путешествия. Поездка на Приполярный Урал сыграла в судьбе художника особую роль. Потрясенный величественной красотой Севера, он создает серию пейзажей-картин. Монументализированные образы природы поэтичны и проникнуты романтикой сурового стиля, сочетающегося с лирическими мотивами. «Оленеводы», «Урал Приполярный», «Пеленгичи», «Новохатынг, освещенный солнцем» и другие произведения северного цикла были тепло приняты зрителями и критикой.

Прирожденный реалист, Чесноков тем не менее всегда поддерживал новые творческие поиски. Многие помнят историю с картиной Геннадия Мосина и Миши Брусиловского «1918-й год». Тогда уже имевший большое влияние в творческой среде мастер вступился за молодых художников, необычно для советского времени трактовавших тему гражданской войны. Николай Гаврилович был не только надежным товарищем, но и замечательным педагогом. Долгие годы он преподавал в Свердловском художественном училище, а из возглавляемой им студии Дворца культуры железнодорожников, называемой попросту Чесноковской, вышли известные ныне художники Владимир Чурсин, Геннадий Калинин, Светлана Тарасова и др. Вольный дух студии способствовал смелому новаторству Анны Таршис, Валерия Дьяченко, Владимира Гаврилова, ставших вскоре лидерами свердловского андеграунда. В каж-

дом своем ученике видел Чесноков индивидуальность. Не подавляя вдохновенные порывы, он мягко наставлял советами, а главное — примером своего творчества. Преданность искусству он передал дочерям. Ольга Николаевна пошла по его стопам, на многих выставках ее работы можно было видеть рядом с произведениями мастера. Людмила Николаевна избрала искусствovedческую стезю.

Чесноков всегда находился в гуще жизни Союза художников. Защищая молодых, он нередко шел на конфронтацию с партийным руководством. Непростыми были его отношения с цехом искусствovedов. Однако, думается, что во многом благодаря таким художникам, как Чесноков, кафедра истории искусств Уральского университета — первая выпускающая кафедра российской провинции, установив тесные контакты с творческим союзом, обрела свое лицо. Уже в одной из первых дипломных работ, выполненных на кафедре, анализировалась живопись Чеснокова. Позже о нем писали, у него консультировались, приходили на экскурсии в его мастерскую многие наши студенты и выпускники.

В 1980-е гг. художник посвящает себя пейзажу. Обращаясь к сдержанной красоте уральской природы, он создает проникновенные, глубокие по силе эмоционального воздействия произведения. Не пытаясь поразить зрителя новизной тем или манерой исполнения, Чесноков продолжал лучшие традиции русского лирического пейзажа. Одним из последних достижений мастера стала верхотурская серия, отмеченная губернаторской премией 1997 г. Милое сердцу художника Верхотурье изменилось и преобразилось (шло восстановление разрушенных храмов) с тех пор, как в далекие 30-е он работал здесь заведующим радиоузлом, а позже — директором Детской технической станции. Но по-прежнему сияло небо над городом, все так же несли свои воды Тура. Целые дни проводил Чесноков на пленэре; работал, почти не отдыхая. В этюдах и написанных по ним картинах отразилось удивительно светлое мировосприятие. С присущей юности восторженностью смотрел на мир умудренный жизненным и творческим опытом мастер. Вспоминая прошлое, радостно внимал он настоящему. Пейзаж-настроение становился пейзажем-раздумьем («Юность моя — Верхотурье»). Даже в хмуром холодном дне видел Чесноков очарование (этюда «Черемуха»).

До последнего момента Николай Гаврилович был оптимистичен и полон желания работать. Выезжая летом на дачу к знакомым, он с упоением, как в молодости, писал этюды. Его мастерская была заставлена заказными портретами. Прикованный к коляске, во время тяжелой болезни 80-летний художник освоил компьютер и написал книгу мемуаров «Претворенная в жизнь мечта», где увлекательно рассказал о своем жизненном и творческом пути, о своих друзьях и коллегах. Исповедальный рассказ, рассчитанный на узкий круг читателей, превратился в историческое описание, охватывающее несколько десятилетий художественной жизни нашего города. Яркое и самобытное повествование, непредвзятость суждений и характеристик оказались интересными даже людям, далеким от сферы искусства.

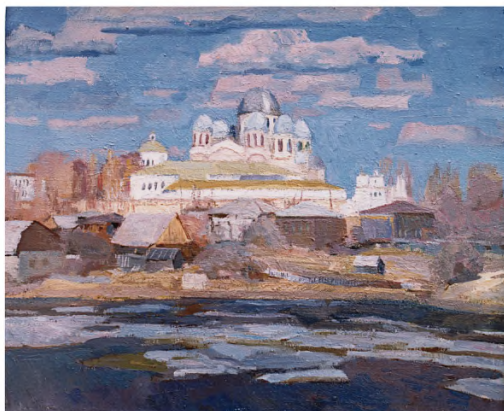
Человек из народа, с крепкой крестьянской жилкой, Чесноков обладал острым интеллектом. Необыкновенное обаяние, широта взглядов, способность искренне вникнуть в любую проблему, с которой к нему приходили, и помочь в ее решении располагали людей к Николаю Гавриловичу. Общение с ним приносило светлые и радостные эмоции, и как-то совестно становилось унывать по поводу мелких жизненных трудностей и неудач. Когда уходят такие люди, как Чесноков, образуется пустота, восполнить которую может лишь творческое наследие и светлая память близких и почитателей таланта.

А. Н. Филинкова

К разделу «Memoria»
Памяти
Николая Гавриловича Чеснокова

Н. Г. Чесноков. Радостный день.
1997 г. Холст, масло. 32,5 × 35.
Собственность семьи художника

Н. Г. Чесноков. Ледоход на реке Туре. 1997 г.
Холст, масло. 50,5 × 60

Н. Г. Чесноков. Урал Приполярный. Малая земля. 1974 г. Холст, масло. 138 × 182